

В. И. Исаев

ПЕРЕПЛАВКА: МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ СИБИРИ В ПЕРИОД ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1928–1939 гг.)

После присоединения Сибири в конце XVI в. к России дальнейшее ее заселение как колонизируемой окраины империи осуществлялось в основном русским народом. В то же время представители других народов также вносили свою лепту в освоение региона, особенно проявилась эта тенденция в период бурного индустриального развития Сибири в XX в. Форсированная индустриализация Сибири в годы первых пятилеток сопровождалась массовым вовлечением в промышленное производство новых рабочих, в том числе, представителей различных народов. В результате население Сибири складывалось на многонациональной основе при преобладании русского этноса. По данным Всесоюзной переписи 1939 г. основную массу населения Сибири (около 85 %) составляли русские. Значительна была доля украинцев (4,5 %) и белорусов (0,5 %). В совокупности на долю славянских этнических групп приходилось 90 % сибиряков. Из неславянских этносов в Сибири проживали такие крупные этнические общности, как буряты (1,5 %), татары (1,3), якуты (1,1), хакасы (0,3). На долю народностей Севера приходилось 0,3 % населения Сибири. Представители других, в основном некоренных этносов, составляли 5,7 %¹.

Отказ от нэпа и переход «к наступлению социализма по всему фронту» в конце 1920-х гг., включавший в себя индустриализацию народного хозяйства и коллективизацию крестьянства, сорвал с обжитых мест и привел в движение значительные массы населения СССР. В результате миграционных потоков на промышленных предприятиях Сибири формировались многонациональные трудовые

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 59.

коллективы. К сожалению, исчерпывающих данных о национальном составе рабочих Сибири за этот период источники не дают, так как при проведении массовых обследований, например, профсоюзных переписей 1929 и 1932–1933 гг., данный показатель не разрабатывался. Имеются лишь отдельные сведения по предприятиям и регионам. Но данные о национальном составе городского населения, большую часть которого составляли рабочие и служащие промышленных предприятий, позволяют судить о ведущих тенденциях в межнациональных отношениях в рабочей среде.

В миграционных потоках, наблюдавшихся в Сибири в годы форсированной индустриализации, выделяются два ведущих вектора. Основной вектор миграции определял движение населения из села в город, что создавало возможности для быстрого роста рабочего класса. В результате промышленного строительства происходила ускоренная урбанизация региона: если в 1926 г. горожане составляли только 12,8 % населения Сибири, то к началу 1940-х гг. их доля достигла 33,1 %².

Своеобразной базой урбанизации стала насильственная коллективизация крестьянства: значительная часть сельского населения Сибири именно в годы первых пятилеток переместилась в города. Только за период с 1929 по 1933 г. население городов Западной Сибири выросло в два раза, причем этот рост обеспечивался в подавляющей степени за счет притока сельских мигрантов. В общем пополнении населения городов Западной Сибири, прибывшем в течение 1926–1937 гг., мигранты из сельской местности составили 68,5 %³.

За годы, прошедшие между двумя Всесоюзными переписями 1926 г. и 1939 г., городское население Сибири выросло более чем в три раза⁴. Значительно увеличился удельный вес русских в городском населении Сибири: с 87,5 до 90,5 %; украинцев вырос с 2,4 до 3,5 %⁵.

По доле городского населения в составе этноса, народы, населявшие Сибирь, различались довольно существенно; движение миграционных потоков отчасти корректировало эту картину, но не меняло ее радикально. Значительной степенью урбанизированности отличалось русское население Сибири: по данным переписи 1926 г. в городах проживало 14,6 % от всего русского населения Сибири, а по переписи 1939 г. – уже 30,4 %. Высокий процент городского насе-

ния наблюдался у татар: в 1926 г. – 16 %, а в 1939 – 26,8. Существенно вырос уровень урбанизированности украинцев: в 1926 г. 3,9 % из них проживало в городах Сибири, а в 1939 – 24,5, такие же тенденции наблюдались среди белорусов: в 1926 г. в городах проживало 3,9 %, а в 1939 – 28⁶.

Важной составляющей миграционных потоков в Сибирь было прибытие населения из центральной и западной части страны, а также из Казахстана и Средней Азии. В пополнении населения сибирских городов доля выходцев из несибирских территорий, среди которых определенную часть составляли и люди других, кроме русской, национальностей, достигала за годы первых пятилеток примерно 20 %. По данным за 1933–1937 гг., среди мигрантов, прибывших в сибирские города, выходцы из Казахстана и Средней Азии составили 3,4 %, с территории Поволжья – 2, Украины – 1,8, Северного Кавказа – 0,9, Белоруссии – 0,4, Закавказья – 0,1 %⁷. Таким образом, основным поставщиком для пополнения численности рабочих сибирской промышленности за счет иных, кроме русской, национальностей являлись, прежде всего, близкие в географическом отношении регионы Поволжья, Казахстана и Средней Азии, но в некоторой степени также и достаточно отдаленные Украина, Белоруссия и Кавказ.

Особенно много представителей различных национальностей приходило на вновь создаваемые промышленные предприятия Сибири, где еще не успели сложиться мононациональные коллективы из местного населения. Так, среди рабочих и строителей Кузнецкого металлургического комбината представители так называемых национальных меньшинств (к ним тогда относили и выходцев из Казахстана и Средней Азии) составляли по данным за 1933 г. около 27 %, общая численность их достигала более 9 тыс. человек, в том числе, почти половину из них – 4373 человек составляли казахи⁸.

Культурно-технический уровень большинства рабочих, выходцев из национальных районов, во многом еще отставал от задач и потребностей индустриального производства. В основном они использовались на неквалифицированных работах. Начальник строительства КМК С. М. Франкфурт так отзывался о новых рабочих казахской национальности, приходивших на комбинат: «Казахам трудно было приспособиться к работе. Потребности их были чрезвычайно ограниченными. Они удовлетворялись немногим: только бы зарабатывать на хлеб и на столовую для себя и семьи. Они не интересовались заработком, а, значит, и выработкой. Многие, что делалось на стройке,

² Урбанизация советской Сибири. Новосибирск, 1987. С. 35.

³ Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997. С. 24.

⁴ Население СССР (численность, состав и движение населения): Стат. сборник. М., 1975. С. 16, 18.

⁵ Московский А. С., Исупов В. А. Формирование городского населения Сибири (1926–1939). Новосибирск, 1984. С. 117.

⁶ Там же. С. 118.

⁷ Там же. С. 66.

⁸ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 77. Л. 175.

вначале просто не доходило до их сознания»⁹. Здесь стоит заметить, что процесс создания КМК инженер Франкфурт, воодушевленный грандиозностью поставленной задачи, и неграмотные чернорабочие-казахи, вынужденные бежать от голода и насильственной коллективизации из родных мест, воспринимали все-таки с разных позиций.

Постепенно новобранцы индустриального производства осваивали непривычные для них приемы труда, вживались в неблагоустроенный тяжелый быт сибирских городов. Значительное число рабочих – представителей других, кроме русской, национальностей было занято в угольной промышленности Сибири. Так, в 1933 г. на шахте «Журилка» Ленинского рудника трудилось более 200 казахов, многие из них показывали высокие результаты в добыче угля, добивались звания ударников труда¹⁰. На шахтах Анжеро-Судженского рудника в 1934 г. работало около 8 тыс. татар. По данным на 1935 г., на шахтах и стройках в Кемерово работало более 8 тыс. рабочих, относящихся к национальным меньшинствам. По далеко не полным сведениям к концу первой пятилетки общая численность представителей национальных меньшинств среди рабочих промышленности Западной Сибири составляла более 40 тыс. человек¹¹.

Перед администрацией предприятий, партийными и советскими органами сибирского региона в ходе индустриализации вставала задача обеспечения взаимодействия и сотрудничества рабочих различных национальностей, недопущения межнациональных конфликтов и розни. В годы первой пятилетки в партийных органах этой работой занимались отделы по работе с нацменьшинствами; при райкомах и окружках ВКП(б), где таких отделов не предусматривалось, были созданы постоянно действующие комиссии¹². Например, очень разнообразно была поставлена работа по интернациональному воспитанию в Новосибирске в начале 1930-х гг. Коммунисты получали задания проводить политико-воспитательную работу среди рабочих других национальностей не только на предприятиях, но и по месту жительства: идти в квартиры, бараки, участвовать в клубных мероприятиях, организовывать библиотечную работу¹³.

Значительное внимание интернациональному воспитанию рабочих уделялось в ходе ликвидации неграмотности, в системе поли-

тического просвещения. Так, Западно-Сибирский крайком ВКП(б) 14 октября 1931 г. принял постановление о проведении специального политчаса в школах для неграмотных и малограмотных¹⁴. С целью учета национальных особенностей для представителей нацменьшинств организовывались отдельные кружки и политшколы. Так, в Новосибирске на строительстве Сибкомбайна в 1931 г. 125 рабочих различных национальностей занимались в организованной для них политшколе¹⁵.

Несмотря на воспеваемую пропагандой дружбу народов СССР, в повседневной жизни сибирских рабочих наблюдались проявления ксенофобии. Негативные последствия столкновения различных культур усугублялись тяжелыми условиями повседневного существования рабочих, которые сложились в годы первых пятилеток. Большинство рабочих, прибывавших на предприятия Сибири, вынуждены были селиться в бараках, землянках, в лучшем случае, в коммунальных квартирах. Жилищная проблема провоцировала бытовые конфликты, при которых национальная принадлежность легко становилась поводом для проявления агрессии и нетерпимости к людям иной культуры. В результате одного из таких конфликтов, происходившего в Ленинске-Кузнецком в 1933 г., рабочий шахты «Емельяновская» Маналей Гафитуллин вынужден был обратиться с письмом в газету «Советская Сибирь». В нем он жаловался на то, что его семья подвергается травле и издевательствам со стороны соседей по коммунальной квартире. При этом соседями были две семьи рабочих того же предприятия, один из которых даже являлся членом ВКП(б)¹⁶.

Особенно трудным было положение рабочих на промышленных новостройках Сибири. Строительство начиналось, как правило, на необжитых местах, поэтому большинство рабочих размещались в бараках и землянках. Обстановка жилищ была минимальная: нары для сна, печь для обогрева, зачастую не хватало даже столов, не говоря уже о стульях. В бараках «Сибкомбайна» (Новосибирск), например, в 1930 г. на одного человека приходилось менее 2 м² жилья¹⁷. В первые годы строительства Кузнецкого комбината 95 % рабочих жили в бараках и землянках¹⁸. В бараках, рассчитанных на 30–40 человек, часто жили до 80 человек. Спали, не раздеваясь, на топчанах, зачастую отсутствовали даже матрасы, не говоря уже о постельном бе-

⁹ ГА РФ. Ф. 7952. Оп. 5. Д. 77. Л. 175.

¹⁰ Советская Сибирь. 11 авг. 1933.

¹¹ Московский А. С. Рабочий класс Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск, 1964. С. 97.

¹² Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1930. № 1–2. С. 23.

¹³ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. П-3. Оп. 6. Д. 67. Л. 17.

¹⁴ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 4. Д. 71. Л. 8.

¹⁵ Там же. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 263. Л. 7.

¹⁶ Советская Сибирь. 11 авг. 1933.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 5451. Оп. 14. Д. 542. Л. 25.

¹⁸ Архив истории КМК (далее – АИМКМ). Оп. 2. Д. 45. Л. 205.

лье. В 1932 г. у рабочих КМК на одного человека приходилось 1,27 м² жилплощади, при этом только 47,9 % рабочих были обеспечены хоть какой-то жилплощадью от предприятия, остальные проживали в частном секторе, близлежащих деревнях и т. п.¹⁹

В 1931 г. начинается строительство завода горного оборудования в Новосибирске, куда приехало много казахов и других представителей национальных меньшинств, доля нерусских рабочих на стройке достигала 45 %. Посетивший стройку зимой 1932 г. секретарь Новосибирского горкома ВКП(б) С. Шварц с удивлением и возмущением обнаружил, что рабочие живут в ужасающих условиях: бараки переполнены сверх всяких норм, повсюду царит грязь, антисанитария, начались эпидемии тифа и холеры. Озадаченный партийный секретарь, видимо, вспомнив догмы марксизма о революционном потенциале рабочего класса, даже воскликнул: «Странно, что рабочие не бузят»²⁰.

Однако требовать от властей какого-либо улучшения своего положения, а, тем более, оказывать организованное сопротивление собравшаяся на стройке людская масса была просто не в состоянии. Большинство русских рабочих бежали из разоренных коллективизацией сел, спорить с начальством они боялись. Казахи мигрировали в Новосибирск в связи с разразившимся в Казахстане голодом. Можно сказать, что главным смыслом существования прибывших на строительство завода было стремление к элементарному выживанию²¹.

В тяжелых бытовых условиях, характерных для промышленных новостроек Сибири, конфликты на национальной основе возникали гораздо чаще, чем это наблюдалось на предприятиях со сложившимися коллективами. В 1932 г. в Кемерово среди рабочих Коксостроя распускались дикie слухи о том, что казахи воруют и едят русских детей, что привело к избиениям нерусских рабочих. В Новосибирске в Горстройтресте имелись факты выселения из бараков рабочих – представителей нацменьшинств под предлогом необходимости ремонта. Серьезные столкновения между рабочими на национальной почве происходили в 1932–1933 гг. на Тельбесском руднике, в Алексеевском леспромхозе и на других предприятиях²².

¹⁹ Новокузнецкий филиал госархива Кемеровской области. Ф. 143. Оп. 1. Д. 60. Л. 66–67, 72; АИМКМ. Оп. 2. Д. 45. Л. 216.

²⁰ ГАНО. Ф. П-22. Оп. 7. Д. 48. Л. 92.

²¹ См.: Малышева М. П., Познанский В. С. Голод на юге Западной Сибири в начале 1930-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 74–78.

²² Советская Сибирь. 2 марта 1933; ГА РФ. Ф. 5472. Оп. 17. Д. 373. Л. 58–62; ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1147. Л. 15.

Наблюдались случаи пренебрежительного отношения к нерусским рабочим и со стороны представителей администрации. Так, в Белово на строительстве цинкового завода десятник Лыбзиков избил землекопа-казаха, дело об этом «проявлении великодержавного шовинизма» было вынесено на рассмотрение товарищеского суда. На стройке были организованы митинги, на которых подобное отношение к нерусским рабочим получило резкое осуждение²³.

Многочисленные факты межнациональных трений и конфликтов, дискриминации рабочих неславянских национальностей заставили первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе 22 июня 1932 г. направить по этому вопросу письмо парторганизациям края о необходимости постоянной борьбы «против великодержавного шовинизма и местного национализма»²⁴.

Говоря о проявлениях ксенофобии, не следует забывать, что значительная часть рабочих Сибири в рассматриваемый период – это вчерашние крестьяне, неграмотные и малограмотные, с грузом крестьянского недоверия и даже вражды к «чужим» людям, отличавшимся по признакам иной веры, национальности и т. п. Как уже отмечалось, подавляющее большинство мигрантов, прибывавших на стройки новых промышленных центров сибирской промышленности, были выходцами из сельской местности. Например, на строительстве Кузнецкого металлургического комбината доля крестьян в пополнении трудового коллектива достигала в годы первой пятилетки 90 %²⁵. За годы первой пятилетки около 80 % пополнения рабочего класса являлись вчерашними крестьянами, в годы второй пятилетки этот показатель несколько снизился, составив около 60 %²⁶.

О межнациональных отношениях в рабочей среде некоторые сведения дают документы правоохранительных органов Сибири. В сложившихся условиях трения и конфликты на национальной основе могли быть ожесточенными, вплоть до применения физического насилия. В милицеских сводках встречаются описания межнациональных конфликтов, доходивших иногда до массовых драк. Подобные случаи немедленно докладывались органами милиции или ОГПУ в партийные комитеты, которые старались погасить конфликты, не всегда устраняя их причины²⁷.

²³ Кузбасс. 17 авг. 1932.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 643. Л. 11.

²⁵ История рабочего класса Сибири. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917–1937. Новосибирск, 1982. С. 235.

²⁶ Московский А. С. Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск, 1968. С. 86–87.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 30. Л. 75.

Народные суды рассматривали дела о конфликтах и столкновениях на национальной основе, в таких случаях применялась часть 6 ст. 59 УК РСФСР, предусматривавшая уголовное преследование за возбуждение национальной вражды и розни. По этой статье народными судами Западно-Сибирского края в 1932 г. было осуждено 95 человек, в 1934 – 29, в 1935 – 10, в 1936 – только 12²⁸. Таким образом, наметилась явная тенденция к значительному снижению подобных преступлений. Вместе с тем стоит отметить, что данная статья УК использовалась часто для осуждения проявлений злостного антисемитизма; а в случаях физического насилия или убийства, даже явно имевших национальную основу, суды могли применять другие соответствующие статьи УК. Поэтому в полном объеме выяснить долю преступлений, имевших национальную основу, приведенные данные не позволяют. Но они показывают тенденцию к снижению национальных конфликтов.

В 1933 г. партийные органы Сибири совместно с профсоюзными организациями существенно усилили внимание к работе по интернациональному воспитанию рабочих. 13 сентября Кемеровский и 23 сентября Сталинский горкомы ВКП(б) заслушали отчеты городских советов профсоюзов о работе по интернациональному воспитанию рабочих, наметили круг вопросов и задач по ее улучшению. Подобные же решения ранее были приняты Новосибирским (14 февраля 1933 г.) и Барнаульским (7 марта 1933 г.) горкомами партии²⁹.

Администрации предприятий совместно с партийными и профсоюзными комитетами проводили работу по преодолению межнациональных конфликтов и формированию дружеских равноправных отношений между рабочими. Например, вопросы взаимоотношений между рабочими различных национальностей обсуждались в 1933 г. на общих собраниях на большинстве промышленных предприятий Кемерово: Коксострое, Химзаводе, ТЭЦ и др. Были намечены конкретные меры по усилению воспитательной работы в коллективах³⁰.

В рабочих клубах создавались кружки по интернациональному воспитанию, проводились вечера дружбы народов. В крупных городах открывались национальные или интернациональные клубы. В Томске и Сталинске действовали татарские клубы, в Новосибирске – корейско-китайский, польский и интернациональный клубы, в Кемерово, Прокопьевске, Анжеро-Судженске, Барнауле при городских клубах работали национальные секции. В Омске с 1932 г. суще-

ствовал интернациональный клуб, а при клубе имени С. Халтурина действовали латышско-эстонская и татаро-киргизская секции³¹.

В индустриальных районах издавались газеты на татарском, казахском и других языках, выпускалась литература для читателей неславянских национальностей. На предприятиях вывешивались стенные газеты на языках национальных меньшинств, например в 1935–1936 гг. в Сталинске выпускалось 13 стенных газет на казахском языке³².

В дело интернационального воспитания рабочих Сибири свой вклад вносило радио, являвшееся в те годы востребованным средством массовой информации. Тема пролетарской солидарности, братской дружбы народов постоянно звучала в лекциях, докладах и репортажах, передававшихся по радио. Было организовано и радиовещание на языках национальных меньшинств, что давало возможность рабочим этих национальностей чувствовать себя полноправными участниками происходивших в стране процессов. В 1935 г. Западно-Сибирский радиопрограммный центр осуществлял вещание на эстонском, латышском, татарском, украинском, немецком и других языках, передачи имели продолжительность около часа и осуществлялись более 150 раз в году. Радиостудии вели диалог со своими слушателями, при составлении радиопрограмм учитывались их интересы и пожелания. В 1936 г. краевой комитет радиовещания Западной Сибири получил более 300 писем от представителей национальных меньшинств³³.

Отмечая значительный объем работы по установлению дружбы и равноправия между рабочими разных национальностей, было бы наивно утверждать, что на предприятиях Сибири воцарилась бесконфликтная идиллия в межнациональных отношениях. Жизнь в СССР, как известно, имела как бы две стороны: одна – официально-парадная, пропагандистская, а вторая – настоящая, подлинная. Источники не всегда позволяют нам в полной мере реконструировать реальность такой, какой она была. Но именно данные о повседневной жизни населения позволяют внести коррективы в наше понимание советской действительности.

Рабочие неславянских национальностей, приходившие на предприятия Сибири, как правило, старались по возможности интегрироваться в новую для них среду, иногда даже отказываясь от сложившихся национальных традиций и обычаев. В редакцию газеты «Кузбасс» летом 1934 г. поступило письмо от группы рабочих казахов, в котором они подчеркивали желание перестроить свой тра-

²⁸ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 47. Л. 120.

²⁹ Там же. Ф. П-3. Оп. 7. Д. 128. Л. 146–147.

³⁰ Там же. Оп. 6. Д. 67. Л. 58.

³¹ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1152. Л. 26; Д. 2238. Л. 76.

³² Там же. Ф. Р-860. Оп. 1. Д. 47. Л. 20, 64.

³³ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2238. Л. 16.

диционный образ жизни. «Главные наши недостатки состоят в том, что у нас сохранились отсталые национальные привычки, — писали рабочие. — Многие наши женщины по старой привычке вместо стола собирают обед на полу... что приводит к распространению разных желудочно-кишечных заболеваний»³⁴.

В городах Сибири возникали такие новые формы взаимодействия между представителями разных народов как шефство русских женщин-домохозяек над нерусскими семьями с целью «организации культурного быта», внедрения санитарно-гигиенических норм³⁵.

Как проявление доверия между людьми разных национальностей можно рассматривать возрастание доли межнациональных браков. В 1937 г. в городах Западной Сибири 12 % от всех заключаемых браков создавали пары разных национальностей. А у городского населения Восточной Сибири в 1936 г. доля таких браков достигала 22,6 %, в то время как в 1926 г. в Красноярском округе она составляла только 7,8, в Иркутском округе — 9,4³⁶.

Итак, приведенный фактический материал показывает, что в процессе индустриализации Сибири происходило тесное взаимодействие представителей различных национальностей, осуществлялся процесс своеобразной переплавки национальных укладов в единый индустриальный образ жизни. При этом необходимо отметить, что в условиях форсированной индустриализации, сопровождавшейся насильственной коллективизацией крестьянства, процесс нивелирования национальных различий также проходил ускоренно, в жестких формах вынужденного приспособления к реальности.

Приходя в качестве неквалифицированной рабочей силы на промышленные предприятия, попадая на жительство в бараки и коммуналки, представители национальных меньшинств зачастую просто не имели возможности культивировать прежние формы национального образа жизни. Они были вынуждены приспособливаться к тем суровым условиям, в которые их поставило советское государство. Рассматривая индустриализацию в этом человеческом измерении, мы вынуждены констатировать, что значительные достижения в создании мощного индустриального комплекса в Сибири были оплачены жертвами, голодом и лишениями, выпавшими на долю людей всех национальностей, проживавших в СССР, и, прежде всего, русского народа.

³⁴ Кузбасс. 6 авг. 1934.

³⁵ Ленинский шахтер. 30 ноября 1933; Советская Сибирь. 22 июня 1936.

³⁶ Московский А. С. Исупов В. А. Указ. соч. С. 120.